

Юлиана Гордеева

ВО ВСЁМ ВИНОВАТА
ЕВА

18+

Юлиана Гордеева

Во всём виновата Ева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73288193

SelfPub; 2026

Аннотация

В антиутопическом мире, где патриархальные традиции душат свободу женщин, сестры Вера и Наташа сталкиваются с жестокой реальностью. Наташа, становясь жертвой насилия и общественного осуждения, погружается в отчаяние. Вера, наблюдая за её страданиями и столкнувшись с собственной предрешенной судьбой – вынужденным браком, – оказывается на грани краха. История их борьбы, потери невинности и поиска хоть крупицы смысла в бескомпромиссном мире, где любое проявление женской воли карается, проникает глубоко и заставляет задуматься о хрупкости человеческой жизни и цене свободы.

Юлиана Гордеева

Во всём виновата Ева

1

Снова этот мерзкий запах. Смесь кофе, сигарет и подгнивших жёлтых зубов. Вера почувствовала его ещё до того, как, уже изрядно седеющий мужчина подошёл вплотную к прилавку. Хищный блеск его глаз сказал больше, чем могли бы сотни гадких слов и комплиментов, вырывающихся из его рта. Он демонстративно прошёл из одного угла магазина в другой, делая вид, словно рассматривает товар. Беспрерывно кидая взгляды на хрупкую девушку, такую невинную, какой вполне могла быть его собственная дочь.

– Сигареты какие у тебя есть? – спросил мужчина.

– Э-э, а какие нужны именно вам? – робко усмехнувшись, спросила Вера.

Он находил крайне привлекательной её скромность. Такая молодая, плоть и кровь. Старается угодить дяде, быть вежливой и обходительной. Кровь кипела в жилах от мысли о том, как он задирает её юбку (хоть она и была в штанах, но в своих грязных фантазиях он представлял её именно в юбке) и горячо входит в её пылающую, возможно, ещё никем не исследованную дырочку. Он бы хотел увидеть кровь, ощутить тепло и вязкость. Хотя... Он сомневался, что девочка так невинна, насколько хочет казаться. Ещё в пятна-

дцать лет ей наверняка овладел какой-то мальчик с твёрдым от возбуждения, при виде обнажённого женского тела, членом.

– «Тройка» есть? – спросил мужчина.

– Я думаю, что... Нет, – неуверенно пролепетала девушка.

Ох и сладкий же у неё голос.

– «Dover», – благосклонно произнёс он, ухмыляясь. – Мы по старинке называем его «Тройкой». Там три лошади нарисовано, видишь?

– Да... Да, точно.

– А как вас зовут? – спросил он, когда Вера положила на стол светлую пачку сигарет.

– Вера, – ответила девушка. – Сто шестьдесят пять рублей.

Он вынул из кармана две грязные сотки и выложил на стол.

– Пожалуйста.

Вера распахнула кассу с щелчком. Отсчитав сдачу, она положила её перед мужчиной.

– Сдачи не нужно. – Мужчина отодвинул от себя железные монеты. – Оставь себе. На чай.

– Спасибо, – сконфуженно улыбнулась девушка и вложила монеты обратно в кассу.

– Ты, наверно, здесь недалеко живёшь, да?

– Да не особо.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Парень, наверно, уже есть?

– Есть, – кивнула Вера и опустила глаза. Врала ли она?

Скорее всего, да. Впрочем, не важно.

– У вас такие красивые глаза, – заметил он, стараясь взглянуть во все оттенки её радужки. – Такие зелёные, но с примесью карего. Вы вообще довольно симпатичная девушка. Очень.

Подмышками у неё уже лился водопад, однако, он представлял, что водопад течёт у неё между ног. Он мог бы слизать её влагу, впитать в себя солоноватую жидкость. Потом он бы всунул в неё пальцы, двигал бы ими вперёд-назад, слушая стоны, боли или наслаждения – без разницы. Женщины – странные существа. Кричат, когда им приятно, и закусывают губу, сдерживая слёзы, когда им неприятно. Так поступала иногда его жена. Отпиралась, говорила, что болит голова, но он-то, он знал, что она лишь притворяется. Хочет, чтобы к ней подошли сзади и присунули, а она бы кричала о помощи. В этом вся она – железная женская логика. Они хотят чувствовать себя жертвой.

– Тебя кто-то встречает после работы? – спросил мужчина, облакачиваясь на стойку.

– Да, папа, – отвечает девушка. Это плохо. Очень плохо.

– Сегодня тоже?

– Конечно.

Что ж, вероятно, попытать счастья не удастся. Он хоть и

горит желанием, но не дурак. Если его поймают, то в тюрьме ему лучше не станет. Таких, как он наказывают, и жестоко. Вполне вероятно, что девочка врала. Глазки-то забегали. Играет с ним в «кошки-мышки», хочет, чтобы её добивались. К её несчастью у него нет столько времени.

– Во сколько закрываетесь?

– В шесть, – ответила она.

– Понял. Всего хорошего Вам, до свидания.

– До свидания.

Она еле слышно выдохнула, но он услышал. Почувствовал это дыхание затылком. Как же он хотел её! В штанах пылал настоящий пожар, чего не было даже с женой в постели. Он решил, что придёт в шесть к магазину, станет за углом улицы и посмотрит, приедет ли за ней кто-то. Если она соврала, то пусть пеняет на себя.

2

Вера со всех сил пыталась унять бешено стучащее в груди сердце. Ноги превратились в мягкую вату, и она с трудом удержала равновесие. Весь ужас последствий этого «милого» разговора пронёсся у неё перед глазами. Что с ней не так сегодня? Почему он так на неё смотрел? Она была в брюках, с простым хвостом из волос и совершенно без макияжа, но жадный взгляд говорил о чём-то ином. Она привлекала его, он хотел её, но почему? Что нужно сделать, чтобы таким, как Он стало всё равно на простых, непримечательных девочек?

Голова разрывалась от мыслей, наполняющих её. Впереди

конец рабочего дня. Если этот извращенец не решился подойти к ней сейчас, возможно, боясь камер или прихода новых покупателей, то вероятно подкараулит её по дороге.

– Алиса, – обратилась она к телефону, – позвони маме.

– Набираю контакт «Мама», – отозвался голосовой помощник.

Два-три гудка, и вот в трубке послышался родной голос:

– Да, Вер, что случилось? Я мою посуду. Что хотела?

– А ты не сможешь встретить меня сегодня после работы? – залепетала дочь.

– Зачем? Ты что-то хочешь купить? Тяжело пакеты нести?

Ничего не надо, дочь. Просто иди домой, хорошо?

Вера хотела рассказать ей всё, верила, что мама поймёт, но какой-то своей частью боялась услышать то, что когда-то этот же нежный голос, сказал сестре. Сестре... Нет, Наташи больше нет. Наташа была плохой, развязной. Носила облегачную одежду, ярко красилась, материлась, и была прямым объектом для ужасных вещей. Вера не такая, как Наташа. Мама её поймёт.

– Слушай, – продолжила мама, – раз позвонила: ты же не забыла, что в субботу у нас ужин с Дунаевыми?

Вера тяжело вздохнула.

– Нет, не забыла. Он точно необходим?

– Конечно! Так что ты хотела?

– Ничего, ничего. Всё в порядке.

–Ну ладно. Буду ждать дома, целую.

– И я тебя, – разочарованно проговорила дочь.

3

Скрип двери, и Наташа вошла. Тихо, словно хищник, крадущийся в тени к своей жертве. Вера подскочила на диване и развернулась лицом ко входу в квартиру. Наташа приложила указательный палец к красным, как спелая вишня, губам.

– Не говори маме только, ладно? – прошептала она. – Держи.

Вера взяла из рук сестры три шоколадных батончика.

– Спасибо!

– Тс-с-с, – напомнила сестра, зажмурившись, словно от укола боли. – Никому не говори, где я была.

– А где ты была?

– Не важно. Просто молчи. Поняла?

Вера согласно кивнула. Сестра часто не бывала дома по ночам. Пропадала где-то в городе, а когда возвращалась, её помада была немного размазана, и запах ванильных духов смешивался с каким-то новым, похожим на папин одеколон. Веру не сильно волновало, где Наташа могла пропадать. Она регулярно снабжала её конфетами за молчание, и такой расклад вполне устраивал обе стороны. Вера не понимала, как родители не замечают изменений в старшей дочери. Вероятно, они знали, но ничего не могли поделать, иначе, что означают эти молчаливые переглядывания за столом?

Иногда из комнаты сестры доносились крики. Мама старалась держать себя в руках, но злость легко позволяла пере-

черкнуть все границы нормы. Она постоянно говорила, что хочет для Наташи только лучшего, не хочет, чтобы та осталась без крыши над головой и «нормального» человеческого будущего. С фразой «нормальное будущее» Вера ассоциировала семью, мужа и детей. Она не совсем понимала, что значат по-настоящему эти слова, но о них твердили везде: в садике, дома, по телевизору. Вчера она случайно переключила на другой канал, и там узнала слово, значение которого боялась выведать у мамы. Тётя по телевизору сказала, что «секс» – это фундамент семьи и крепких отношений. Нужно давать его мужчине, желательно регулярно, чтобы не остаться в одиночестве. Почему-то Вере казалось, что её отношения с сестрой можно было так же обозначить этим словом. Сестра давала ей конфеты, чтобы получить поддержку от младшей. Всё просто и одновременно сложно.

Однажды, Наташа вернулась позже обычного. Дверь скрипнула, и сестра ступила на коврик босой ногой. Вторая, как ни странно, была в туфельке. Волосы Наташи были растрепаны, помада размазана по всему подбородку и смешивалась с более тёмным оттенком, сверкающим на свету. Её трясло, словно от холода.

Вера с трудом сдерживала себя, чтобы не заснуть. Она ждала сестру, в надежде увидеть конфеты в её руках, но они были пусты. Ногти были сорваны до мяса, и ладони сбиты в кровь. Наташа больше не улыбалась, заговорщически подмигивая. Она выглядела, как подстреленная зверушка, но-

сящая на себе смертельное ранение, которое уже нет шанса залечить.

– Что случилось? – тихо спросила Вера, стараясь сдерживать собственную дрожь. Нечто в пустом взгляде сестры её ужасало.

Наташа мотнула головой и сбросила туфлю с ноги.

– Не говори маме, – сдавлено сказала она. – Не вздумай сказать. Я принесу тебе конфеты, только прошу не... – Её голос сорвался. Она потеряла последние силы и осела на пол.

Вера тихо подобралась к сестре и положила руку на её светлые волосы, едва не отдёргнув от прикосновения к чему-то влажному.

– Почему ты грязная?

Обхватив себя руками, Наташа застыла, глядя в пустоту. В её разуме происходили какие-то активные размышления, но Вере они были неведомы. Даже если бы она услышала их, то вряд ли смогла бы сейчас их понять. Некоторые вещи из взрослой жизни её не касались. Родители многое скрывали, говоря: «Подрастёшь – поймёшь».

– Ну Наташ, – вырвалось у Веры, и она села напротив сестры.

– Я принесу тебе конфеты, обещаю, – твердила Наташа. – Верочка, я обещаю тебе... Я...

– Мне не нужны конфеты.

Взгляд Наташи на минуту прояснился. Она перестала дрожать и улыбнулась краем губ. Взяв Веру за руки, она посмотрела

рела ей прямо в глаза и открыла рот, чтобы что-то сказать, но так и не решилась. Опустив взгляд, она страдальчески подняла брови и издала еле слышимый стон.

– Мне нужно в ванную. Обещаешь, что никому ничего не скажешь?

– Обещаю, – чётко, словно на приказ командира, ответила Вера.

Она помогла Наташе подняться, потому что ту постоянно клонило куда-то в сторону, и проводила её взглядом до самой ванной комнаты.

Обычно Наташа принимала душ за полчаса, но в этот раз её не было более двух часов. Вера заволновалась, но постоянно одёргивала себя при мысли, что ей нужно постучать. Что-то тянуло её к, выкрашенной в белый, двери. Какие-то внутренние голоса, которые она не слышала, но осознавала смысл, сказанных ими слов. Вода мирно журчала, слышались плескания. Вера так и не дождалась прихода сестры, и заснула прямо на диване.

Утром она в испуге распахнула глаза.

4

Наташа всегда говорила, что она должна быть осторожна с мужчинами. Их мысли полны мерзости и тошнотворных вещей, которые пугают всех вокруг, но никогда и их самих. Они ощущают тягу, возбуждение и удовольствие, думая об этом. Вера пыталась понять, стоит ли опасаться того странного посетителя или всё это было лишь плодом её вообра-

жения?

Выходя из магазина и замыкая его на ключ, она то и дело в страхе озиралась по сторонам. Сумерки сгущались, но света всё ещё было достаточно, чтобы ночные фонари оставались выключенными. Машины сновали из стороны в сторону, и Вера постепенно успокаивалась. Однако никто не мог с уверенностью сказать, что люди, сидящие за рулём, остановятся. Обычно все игнорировали такое проявление жестокости, как насилие над женщиной. Едва ли сами женщины воспринимали это, как насилие, потому что за много десятков лет, даже самые ужасные зверства способны стать нормой.

Но Вера боялась. Она тревожилась за себя, вспоминая те ужасные мгновения, проведённые в комнате после того, как сестры не стало. Вереница мыслей кружила вокруг неё и её неокрепшего подросткового ума. Она только-только узнавала, что такое истинные отношения между мужчиной и женщиной. То, что люди называли «счастьем» со временем обретало новый смысл.

Чем дальше шла Вера, тем мощнее её сердце билось о грудную клетку. Она слышала шорохи позади, ощущала чей-то взгляд, но, обернувшись, видела лишь пустую улицу. «Это всё твоя паранойя, – думала она, пытаясь хоть как-то взять себя в руки». Снова шорох, и снова никого. Игра воображения – не более.

Вдруг она ощутила холодок, бегущий по спине. Это уже была не паранойя, а предчувствие. Не теряя времени, Вера

побежала. Глотая воздух, она стремилась к родному подъезду, молясь, чтобы силы не покинули её, а ноги обмякли. Она бежала, боясь обернуться, и даже достигнув дома, не остановилась и взбежала вверх по лестнице до самой квартиры.

Посмотрев, наконец, на лестничную клетку, она никого не увидела. Тусклый свет подрагивал, что-то потрескивало на верхнем этаже, но на нижнем было тихо.

Горло саднило от прохладного воздуха, но Веру это волновало меньше всего. Кто-то был в темноте, и это не могло быть плодом воображения. Наверняка её преследовал тот мужчина, проспиртованный лучше, чем бабушкины настойки из шишек и трав. Он выглядел, как законченный алкоголик, но при желании мог иметь силы десятерых. А желание у него было... И сильное. Теперь Вера в этом не сомневалась.

Она открыла дверь своим ключом с брелком в виде котика, и вошла в квартиру. Знакомый запах обычно успокаивал, но не сегодня. Вера старалась держаться после каждого подобного происшествия, но этот день был верхом её самообладания. Она вбежала в свою комнату и рухнула на кровать. Слезы потекли бурным потоком. Вера так устала бояться! Чёрт возьми, как же она устала бояться! Каждый день приходилось следить за собой, чтобы ненароком не выглядеть, как потенциальная жертва. Сутки напролёт она должна была держать телефон наготове, хотя в нём самом и смысла не было! Чтобы не случилось, будет виновата она, потому что родилась самой собой. Она – искусительница, потому что из-за

Евы Бог выгнал людей из Рая. Она – воплощение нравственности, потому что мужчинам неприятны грязные женщины, которых они, да, ненавидят, но с удовольствием воспользуются, потому что она это заслужила, с ней не станется, одним больше, одним меньше.

Вера рыдала всё сильнее и сильнее. Ничего не имело смысла, даже она сама, но она продолжала плакать, потому что это единственное, что можно сделать. Плакать и жить дальше. Падать и жить дальше. Страдать, но жить вопреки. Это одно из главных правил. Ослушаешься – и тебя забудут, потому что тот, кто не хочет жить, не имеет права жить даже в умах и сердцах близких. А Вера не хотела повторить Наташину судьбу. Она должна была бороться вопреки всему, но ради чего? Если бы она только знала, что по ту сторону есть хоть какая-то жизнь, то она с удовольствием променяла этот мир на тот.

В дверь постучали. Вера вздрогнула, как от пощёчины и мигом утёрла слёзы. Зеркало сказала ей, что дела плохи. Если мама заметит, то спросит о причинах, а Вера не хотела, чтобы она снова рассказала отцу. Мама была мягче и на многое закрывала глаза, но отец – никогда.

– Вер, это ты? – спросила мама.

– Да, я, – с натренированным спокойствием ответила Вера.

– Зачем закрылась?

– Я... Женские дела. Не хочу, чтобы папа видел.

– А-а, – понимающе протянула мама. – Только не разбрасывай «их» где попало. Тебе повезло в прошлый раз, что я зашла первой в ванную, а не папа.

– Я помню, мам, – ответила Вера, растирая лицо.

– Будешь ужинать?

– Да, конечно. – От мысли об ужине её почему-то затошнило.

– Всё, жду, – бросила мать, и её шаги удалились в кухню.

Вера была на грани. Глаза болели, но она хотела продолжить плакать. Руки дрожали, ей стало холодно. Впереди была только безнадега и общее «счастливое будущее». Такое, каким хотели видеть его все мужчины, но только некоторые из женщин. Они были бы и рады выйти на работу, как это было, уже в далёком 2025 году, но всё, что им отныне было доступно – это материнство и семейный очаг. Работать могли только молодые девушки от 14 – 20 лет, но сразу после того, как они вступали в брак и рожали ребёнка, обязаны были вечно сидеть на попечительстве мужа, который вполне был вправе недобросовестно исполнять роль хорошего мужа, о которой так часто твердили по телевизору.

Вере вот-вот должно было исполниться восемнадцать. Если бы было можно, она бы с удовольствием использовала все средства, чтобы день рождения не наступал. Это означало, что её молодость закончена навсегда. У неё есть большой шанс протянуть до двадцати, но совсем нет шансов не выйти замуж до двадцати пяти. Для этого должны быть веские

причины, которые у пылающей здоровьем, судя по анализам, Веры, не имели место быть.

5

– Надень то платье, которое мы тебе покупали месяц назад, – сказала мама и втянула губами гороховый суп с ложки. – Помнишь? В горошек.

Вера кивнула.

– Думаю, что оно будет отлично сочетаться с теми золотыми тенями, – продолжала, почти мечтательно, мама. – Саша будет в восторге.

– А что сделает Саша, чтобы понравиться мне? – спросила Вера, как можно безэмоционально, чтобы папа ненароком не услышал в её словах упрёки или грубость.

– Он тоже нарядится, – ответила мать. – Не одна ты хочешь, чтобы союз состоялся. Мама Саши тоже сказала, что принятие их фамилии много значит для их семьи. Тебе что-то не нравится, я не пойму?

– Всё нормально.

Спустя недолгую паузу, заговорил отец:

– Кстати, если пойдёте гулять с Катей, то не ходите на главную площадь.

– Почему?

– Потому что там снова какие-то придурки устроили митинг около «Белого дома».

– По поводу? – спросила мама.

– Всё, как обычно: «Верните женщинам свободу».

– Вот глупые. Ну честно. Разве им плохо живётся? Мужья кормят, одевают, а всё, что остаётся им, так это следить за детьми и наводить порядок дома. На работе – плохо, дома – плохо. Чего вообще они хотят?

– «Свободы», очевидно, – подколол отец и отодвинул опустевшую тарелку.

– Чай или кофе?

– Нет, я наелся. Если не засну, то попозже. – Отец откинулся на спинку стула и взял в рот сигарету. – «Свобода» – это понятие субъективное, если задуматься. Никто никогда не сможет быть свободен, потому что уже принадлежит Богу. «Свобода» и «счастье» – лишь иллюзия. Неужели так сложно принять правила? – Он уставился на Веру, желая прочесть в её выражении лица ответ на свои рассуждения. Чиркнула зажигалка, и кончик сигареты затлел. – Ты понимаешь, о чём я толкую?

– Понимаю, – ответила дочь.

– Тогда почему ты так напряглась? Тебя что-то пугает?

– Ничего, кроме того... Я думаю, что Саша мне не понравится.

Отец рассмеялся, и дым повалил из его рта.

– Выбрось это из головы. Как бы там ни было, Дунаевы честные, воспитанные люди. Мы же не станем отдавать свою дочь непонятно куда. Мы поговорили с ними, Саша – хороший парень. Тебе не о чем волноваться.

Но Вера не была уверена в этом. Сама мысль о том, что

за неё уже всё решено, вызвала головокружение. Она хотела противостоять, вложить всю свою злость в хотя бы жалкую попытку упереться лбом в стену, стремящуюся её расплющить, но это была невозможная схватка. Жизнь такая и по-другому не может быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.